

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 135 (4101)

Вторник, 3 ноября 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

КОГДА СТРЕЛКА ИДЕТ НА «ЯСНО»

«Я СНО» — какое это емкое слово... Оно воспринимается как ощущение радости, нашей уверенности в том, что жизнь на земле прекрасна и удивительна.

Ясно — это когда много света и солнца, небеса полны голубизны, а сердце полно чистоты и спокойствия.

Было солнечно и ясно в тот день, когда в освещенной зале Большого Кремлевского дворца Никита Сергеевич Хрущев говорил на сессии Верховного Совета СССР, что стрелка барометра международной погоды движется в направлении «ясно».

Недавно за несколько тысяч километров от Москвы я слышал слово «ясно» в совсем необычной интерпретации.

— Ведь вы нарочно запустили своего лангхана II в район моря Яности? — спросил меня Лисьян Барне, парижский журналист, специализирующийся на рассказах о советской науке.

— Да, возможно, и так... Ведь море Яности близко граничит с морем Спокойствия, а море Кривосов остается в этом случае где-то в стороне, — ответили мы ему. — Не так ли, Барне?..

Слушая слова Никиты Сергеевича, я мысленно представил себе весь путь, который пролетел к нашим дням, идущим к Яности.

..Кочилась война. Казалось, ясность наступила. Это казалось всем нам, пожавшим друг другу руки уже на берегу Эльбы, людям, изрядным-изрядным на смешанном русско-английском лексиконе, но отлично понимающим друг друга в эти минуты. Воды Эльбы были чисты и прозрачны. Кустарники и облака отражались в них, как в зеркале.

Мы страшило то, что готы встали, которая кончилась, и нам было все ясно тогда.

Шли годы... Потом все изменилось. Откуда-то с Запада ползли легионы «холодной войны». И, как в далекой ледниковой период планеты, льды дышали холодом, льды ломали наши отношения, губили цветы дружбы.

Вдоль крошки льдов, словно косматые мамы, бродили наиболее ретивые из буржуазных журналистов, трубами звуками призывая к новой войне — теперь уже против нас.

— Торопитесь!.. Вооружайтесь!.. Спешите!.. — трубил он.

И что же в итоге? За последние годы — 250 ядерных взрывов на земле. Мощность этих взрывов составляет примерно сто миллионов тонн тринитротолуола, что во много раз превосходит мощностные взрывы всех бомб, мин и снарядов за годы двух последних мировых войн.

Перед моими глазами — маленький листок бумаги, вырванный из блокнота, — он помечен апрелем 1902 года. Блокнот принадлежит Марии Кюри — он заполнен ее легким почерком в дни, когда знаменитая ученая работала над исследованием явлений радиоактивности. Листок был экспонирован в павильоне науки на Всемирной выставке в Брюсселе. Периодически к нему подносили счетчик Гейгера — аппарат для определения радиоактивности. Счетчик и сейчас, через полвека, захлебывался от потока излучений, исходящих от бумаги.

Мария Кюри не знала об опасности, с которой она имела дело. Открыл радий, подарив человечеству неизвестное прежде явление природы, она первая пала его жертвой, и мы отлично знаем об этом.

Проблемой проблем является сегодня предложение о всеобщем и полном разоружении, внесенное Никитой Сергеевичем Хрущевым.

Великие достижения советской науки, техники, промышленности, буквально потрясающее человечество за последние годы и обогащение его знаниями, — это ли не путь к миру и взаимопониманию?

И, наконец, мучащая, необоримая сила наших идей. В эту силу начинаю верить не только друзья, но и недруги.

Стоит вспомнить одну из встреч на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Вене. Сюда из Западной Германии приехали три профессора философии Марбургского университета с шестью студентами, чтобы встретиться и поговорить с советскими людьми.

— Заранее предупреждаю, не будем говорить о политике, — говорил профессор Хайнрих. — Мы хотим лишь пожать вашу философию — философию коммунизма. Вам хорошо. У вас все ладится и кипит. Вы — Восток, вы — молодой народ со всей силой и бесстрашием молодости. А мы — старая Европа, нам уже тяжело быстро двигаться и остро мыслить. Подскажите, в чем ваша сила.

— Постояйте, но ведь вы не хотели говорить о политике, — перебил я немецкого философа. — Нет молодых и старых народов. Да, коммунизм — молод. Это он дает ныне человечеству огромный заряд активности и энергии.

— Так что же нам посоветуете делать? — Приобщаться к тому, что делает демократическая Германия.

..В капиталистическом мире есть сила привычки — стремление мыслить категориями войны. Выступая на сессии Верховного Совета СССР, министр иностранных дел А. Громыко остроумно рассказал о подобных деятелях.

Хорошо, говорят они, но, разоружившись полностью, мы будем иметь страны с многолюдным населением, которое может напасть на другую страну «хотя бы даже с помощью кулаков». Это опасно..

Действительно, как же поступить в данном случае — ведь кулаки остаются, как никакие по две руки на человека! Но эти руки должны найти иное применение. Земля ждет свободных человеческих рук, занятых на вооружении, а создающая.

Недавно «Литературная газета» писала об интересном проекте перекрестия Берингова пролива плотинной с тем, чтобы улучшить климат севера земного шара. Такой проект — вот место приложения сил нескольких государств не только из-за границы, но и потому, что плотина, как известно, должна быть построена на берегах двух материков.

Стоит задуматься над тем, чтобы с помощью нескольких искусственных спутников создать систему всемирного телевидения. Каждый из трех спутников мо-

Вас ЗАХАРЧЕНКО

Сергеевичем Хрущевым на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Предложение ясно, как солнечный свет. Единственное... С ним нельзя не считаться.

Какой другой путь, кроме мирного существования, могут предложить западные державы человечеству, уставшему от непрерывающегося ощущения опасности, нависшей над его головой?

Другого пути нет. Другой путь означает войну.

Этим летом я познакомился в Сибири, на строительстве Братской ГЭС, с Алексеем Васильевичем Анапаловым. Анапалов в прошлом летчик. Он пришел на стройку, стал врановичком и сейчас уверенно полусидит из края в край горловину Ангары — там, где из бетона и железа встает к небу геометрически правильное тело плотины.

— И всего лишь год здесь, — отворачиваясь, не могу, — говорит он, не оставив управления крупнейшего в стране портального крана и по-орлиному остро всматриваясь вниз — туда, где на сталь-

жет стать в этом случае своеобразным экраном, отражающим волны телевизионных передач на огромную территорию земного шара.

Не космические станции — разведчики для всемирного шпионажа и божьего чужих территорий, о которых мечтал безумный Форрестал, а летающие лаборатории, служащие делу мирной науки.

Не термоядерные бомбы, а совместная работа физиков мира над управляемой термоядерной реакцией, способной обеспечить человечество неиссякаемым, вечным источником энергии. Горящие для него можно черпать из неистощимой толщи воды морей и океанов, где дейтерия хватит на все времена.

Не уничтожение себе подобных, а международная борьба науки за долголетие человека.

Совместные усилия всех ученых мира для уничтожения раковых заболеваний, совместные работы по лечению, по борьбе за долголетие..

И не стоит бояться ни перенаселения, ни голода. Освободившись от бесмысленной гонки вооружений и средств государства, будучи направленными на всеобщее процветание, способны творить чудеса. Ведь планета наша еще так мало оборудована для человеческого счастья.

Эти мысли приходят в голову, когда читаешь исполненное глубокого гуманизма Обращение Верховного Совета СССР к парламентам всех стран мира с призывом о прекращении гонки вооружений, к осуществлению полного и всеобщего разоружения. И хочется верить, что благодарная инициатива нашего народа найдет понимание и поддержку у парламентам и правительств других стран..

Дело явно идет к потеплению. Размываются ледяные завторы «холодной войны», и на кроме оттаившей земли распускаются крепчайшие цветы дружбы.

Но еще много труда и сил надо потратить на то, чтобы все, от кого зависит будущее мира, осознали величие проблемы проблем современности — всеобщего разоружения.

Хочется верить: солнечный свет человеческого разума возрастает.

Ведь не зря же погода идет на ясно!

Дневник ПИСАТЕЛЯ

ном тросе качается пятитонная балка с бетоном. — Был здесь Гарриман на стройке. Ему пионеры живого медвежонка подарили. Гарриман видел, как мы мирным делом занимаемся. О какой войне речь — разоружаться надо..

Эти слова вспоминаются мне сейчас, когда мистер Гарриман высказывает скептическое отношение к прямому, ясному предложению главы Советского правительства о всеобщем и полном разоружении, желая, как червь, подточить доброе отношение к нашей стране.

Сила наших идей, наших свершений, деианй — огромна. С каждым годом, с каждым часом растет авторитет нашей страны. Пробывание Никиты Сергеевича Хрущева в Америке, простота, убежденность и искренность его высказываний по самым важным, самым насущным вопросам, активность и энергия воистину неутомимого борца за мир — это ли не живой пример деятельности во имя создания подлинной Яности в отношениях между народами!

Великие достижения советской науки, техники, промышленности, буквально потрясающее человечество за последние годы и обогащение его знаниями, — это ли не путь к миру и взаимопониманию?

И, наконец, мучающая, необоримая сила наших идей. В эту силу начинаю верить не только друзья, но и недруги.

Стоит вспомнить одну из встреч на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Вене. Сюда из Западной Германии приехали три профессора философии Марбургского университета с шестью студентами, чтобы встретиться и поговорить с советскими людьми.

— Заранее предупреждаю, не будем говорить о политике, — говорил профессор Хайнрих. — Мы хотим лишь пожать вашу философию — философию коммунизма. Вам хорошо. У вас все ладится и кипит. Вы — Восток, вы — молодой народ со всей силой и бесстрашием молодости. А мы — старая Европа, нам уже тяжело быстро двигаться и остро мыслить. Подскажите, в чем ваша сила.

— Постояйте, но ведь вы не хотели говорить о политике, — перебил я немецкого философа. — Нет молодых и старых народов. Да, коммунизм — молод. Это он дает ныне человечеству огромный заряд активности и энергии.

— Так что же нам посоветуете делать? — Приобщаться к тому, что делает демократическая Германия.

..В капиталистическом мире есть сила привычки — стремление мыслить категориями войны. Выступая на сессии Верховного Совета СССР, министр иностранных дел А. Громыко остроумно рассказал о подобных деятелях.

Хорошо, говорят они, но, разоружившись полностью, мы будем иметь страны с многолюдным населением, которое может напасть на другую страну «хотя бы даже с помощью кулаков». Это опасно..

Действительно, как же поступить в данном случае — ведь кулаки остаются, как никакие по две руки на человека! Но эти руки должны найти иное применение. Земля ждет свободных человеческих рук, занятых на вооружении, а создающая.

Недавно «Литературная газета» писала об интересном проекте перекрестия Берингова пролива плотинной с тем, чтобы улучшить климат севера земного шара. Такой проект — вот место приложения сил нескольких государств не только из-за границы, но и потому, что плотина, как известно, должна быть построена на берегах двух материков.

Стоит задуматься над тем, чтобы с помощью нескольких искусственных спутников создать систему всемирного телевидения. Каждый из трех спутников мо-

ПИСАТЕЛЬ, РЕЦЕНЗЕНТ, РЕДАКТОР

— Писатель, рецензент и редактор — это творческое содружество людей, у которых одна цель: дать читателю хорошую книгу, — говорил заместитель председателя правления издательства «Советский писатель» И. Козлов в докладе на открытии партийного собрания секции прозы. — И, конечно же, отношения всех трех участников этого содружества должны строиться на взаимопонимании и принципиальной требовательности друг к другу.

Вместе с тем еще нередки случаи, когда рецензенты синхронистично относятся к автору рукописи, пишут путанные отзывы, предлагают к изданию произведения, в которых сами же отмечают множество серьезных недостатков; писатели, поощряемые такими отзывами, настаивают на включении в издательский план недоработанных сочинений в надежде, что редактор «доплетет», а редактор, идя на поводу у именитых рецензентов, недостаточно критически относится к будущей книге. Читатели рецензии, приваля конкретные примеры недоработанных произведений и нетребовательности рецензентов, И. Козлов, как справедливо, в большинстве случаев сокращению «инквизитор» их авторов.

— Уж очень много скидок делается у нас при оценке произведений, — подчеркнул тов. Козлов. — Это скидка и на молодой начинающий автора, и на предельный возраст — в связи с юбилеем, и на актуальность темы..

Основные положения доклада были поддержаны и развиты в прениях. Выступающие приводили примеры плодотворной работы этого «творческого содружества» — писателя-рецензента-редактора. Они указывали на главные причины разногласий и вносили конкретные предложения, которые помогли бы улучшить их творческое сотрудничество.

Телеграмма от Сальваторе Квазимодо

из МИЛАНА, 31 Октября

Благодарю за выраженные вами и вашей великой родной любовью к общению и любви, надеюсь на полную разрядку напряженности, на укрепление культурных связей с Западом.

Сальваторе КВАЗИМОДО

Союзу советских писателей

Ваши ДАВТЯН

КОММУНИСТЫ

Темные тени
Зловеще ложатся окрест,
В пещи закованы
Труд и любовь человека.
Два коммуниста
Читают друзьям «Манифест» —
Гимн переломного века.

Ветер весенний
Трепетет, листву шевелит.
Бой поутру
Закликает, горячий и ярый
Пала Коммуна,
И жадно аптала земля
Алую кровь коммунаров.

Пала Коммуна,
Но голос ее громовой
В пятом году
Облетит баррикады на Пресне.
Гонит в Сибирь коммунистов
Казаний конвой —
В ссылке идут они с песней!

С именем Ленина,
С пламенным сердцем в груди,
В стержнях кожанках, —
Там, где все тяжелее,
Там, где борьба,
Коммунисты встают вперед,
Жизни своей не жалея.

Полчища вражьи
Идут на Отчизну мою.
Дымная даль
От пожара багрова и мгlistна.
В Бресте,
Над Волгой,
У стен Ленинграда
В бою
Жизнь отдадут коммунисты.

Воды Янцзы...
Обездоленный сказочный край...
Вновь на дорогах
Ночные костры догорают,
Ночью коммунисты,
Сражаясь за вольный Китай,
В первых рядах умирают.

Вновь умирают,
Но так,
Как осенней порой
Лес умирает
И в землю упавшие зерна, —
Встанут хлеба по весне
Золотую стеной,
Лес зашумит непокорный!

Славим мы солнце,
И жизнь,
И раскованный труд,
Сорванные цепи
С мозолистых рук человека.
В светлые дали
Народ коммунисты ведут —
Праворафинные века.

Перевод с армянского
С. Виленского и Я. Серпина

Первый доброволец

Он хочет строить плотину Берингова пролива

31 Октября в редакцию пришло письмо из Омска. В конверте лежали три небольших фотокарточки того размера, который нужен для удостоверения или пропуска, и характеристика, выданная 2-м строительным трестом г. Омска рабочему Александру Иванушкину.

Из характеристики мы узнаем: «Иванушкин Александр Иванович прибыл из Москвы по комсомольской путевке 4 октября 1957 года, работает каменщиком-монтажником 5-го разряда. За период с 4 октября 1957 года по настоящее время показал себя, как хороший производитель, отличный товарищ, дисциплинированный рабочий, внесший ряд рационализаторских предложений. Производственное задание выполнял на 130—150 процентов при отличном качестве работ. Активно участвует в общественной жизни...»

К характеристике приложена газета «Молодой сибиряк», в которой опубликован отчет о диспуте «Готов ли ты жить при коммунизме?». В газете портрет Саши Иванушкина и под ним короткая выдержка из его выступления на диспуте:

«У нас на первом месте слово «наше», а уж на втором — «мое»... Для чего прислал Александр Иванушкин все эти документы в редакцию «Литературной газеты»?

Приводим дословно его заявление: «Прошу принять меня на строительство плотины Берингова пролива. Мне 24 года. Работаю токарем во 2-м строительном тресте г. Омска. Образование 8 классов, учусь в школе мастеров-практиков и в Университете культуры.»

4 октября 1957 г. я приехал в г. Омск по комсомольской путевке из г. Москвы. Наш приезд совпал с запуском первого искусственного спутника Земли (в душе я горжусь этим).

26 октября я прочитал в «Литературной газете» (№ 131 за 24 октября с. г.) о самом проекте инженера Борисова Петра Михайловича. Не могу остаться на обочине. Прошу направить меня на строительство плотин или, в крайнем случае, жить для строителя!..

Практически могу быть: лесорубом, токарем, каменщиком, монтажником, мотористом, буровым рабочим. Другим специальностям научусь в процессе работы.

Просьбе прошу не отказать.

С уважением А. ИВАНУШКИН
P. S. Высылаю характеристику и 3 фотокарточки.

Письмо товарища Иванушкина!

Проект плотины в Беринговом проливе только изучается. Вопрос о ее строительстве еще не решен. Но мы уверены, что такие, как ты, никогда не будут «на обочине».

На этом ли строительстве или на каком-либо другом, преобразующем облик Земли, вам, держащим, для которых творчество выше всего, страна доверит любое дело.

КОММУНИЗМ ЭТО — СЧАСТЬЕ

Е СЛИ начать читать подряд молодые и старые газеты середины двадцатых годов, а мне пришлось в связи с одним литературным замыслом пересмотреть за эти отдаленные годы нашу ленинградскую «Смену», откроется картина, непохожая на нынешнюю.

Было — вот что составляло главный интерес тогдашней молодежи, чему посвящала страницы и не печать комсомола собирали бытовые конференции, где представляли завод и фабрику, страстно обсуждали вопрос или не быть коммунарам — быть таковыми или не быть. Многие на расстоянии представляются нам сейчас наивными и отнюдь нестойкими борцами за здоровую душу молодого человека. Но как искренне, как страстно спорили тогда о любви, о том, кто в какую верует: в «одну на всю жизнь и в регистрацию» или же по принципу «случайно погуляли и разошлись, как в море корабли!»

Широко, полным голосом клеймили комсомольская печать хулиганов, насильников, пьяниц. При этом величие будет напомнить одно обстоятельство: культурный уровень тогдашней молодежи отличался от нынешнего, как много от земли. По данным анкетного обследования, на заводе имени Карла Маркса только 19 процентов молодежи имели в 1927 году образование свыше семи классов, а 59,5 процента (больше половины!) и до шести классов не дотянули. Были и вовсе неграмотные, которых называли начисто забытым ныне словечком «от сохи».

И вот та же молодежная газета начала тридцатых годов — славного времени первой пятилетки. Что ни «шпалка», то лозунг, то призыв, и все в повелительном наклонении: «помоимся с тем-то», «выполним то-то», «ударим», «дадим». Это — как клич, как барабанный бой. Да и само содержание газеты изменилось радикально. Все отдалено производству. Героем времени, которого поднимает общественное мнение, отныне и на долгие годы вперед становится человек передовой в трудовых своих делах. Ударник. Новатор производства. Изменился самый критерий в оценке человеческой личности, в основу его лег труд.

Все это было закономерно. Надо ли говорить о том, что представляли собой в истории нашего общества первые пятилетние планы? Быстрейшее, подвижничное выполнение их диктовало необходимость. Скорее! Время не ждет! «Больше металла, энергии, нефти, угля» — диктовала нам эпоха, и что же удивительного в том, что молодого современника великой эпохи спрашивали в первую очередь не «как ты любишь?», а «как ты выполняешь план?».

Иначе и не могло быть.

Год назад в депю Москва-Сортировочная появилась первая в стране бригада коммунистического труда. Услесари Александра Лебедева сразу нашлись последователи и в Ленинграде, и в других городах. Читая в газете первые известия о новом, охватившем всю страну, главным образом нашу молодежь, движении, мы все спрашивали друг друга: «Что же это в конце концов такое? Принцип «жить и работать по-коммунистически» при всей, казалось бы, ясности, выразенной в этих немногих словах, не сразу раскрывались нам во всем своем значении, во всех своих признаках. Несомненно было одно: в новом движении

прежде всего радовало вот это неразрывное слияние нравственных начал с трудовыми показателями.

А как часто раньше их разделяли, разводили в разные стороны!

Помню, в Ленинграде проходило теоретическое совещание по вопросам этики. Участвовали в нем не только философы, но и представители заводов, фабрик. И вот один из участников совещания рассказывал с горечью, возмущением о таком случае. В парке озорничает пьяный парень, сквернословит, пристаёт к женщинам. Парня немедленно отводят в отделение милиции. Вьют его личность: кто такой? Оказываются, «нарушитель», работает на одном из ленинградских заводов, недавно то ли что-то переполнил, то ли рационализировал, словом, числится в передовых. Вывод? Отпустил парня, закрыл глаза на его хулиганство, разорвать протокол. Такого нельзя трогать. Повеле его, видимо, так, опшбточа, а настоящая сущность — там, у станка. В отделение милиции распустили именно таким образом. И многие участники совещания подтверждали: да, это не частный случай, а — увы — практика, довольно распространенная.

Вот почему, повторяю, так радостен был факт возникновения коммунистических бригад, на знамени своем написавших неразрывный принцип жизни и труда — коммунистический принцип. Сегодня уже нельзя относиться к поведению человека в быту, как к чему-то неважному, случайному, второстепенному, игнорировать серьезные моральные проступки. Это невозможно! Невозможно прежде всего потому, что в сознании нашем прочно укрепилось: человеку низко во нравственном отношении — пьянице, распутнику, хулигану, — быть может, и удасться на работе держаться на каком-то пристойном уровне, получать иной раз даже похвалы, однако, передовиком в истинном, современном понимании этого высокого слова он не станет.

Но невозможно назвать передовым и того юношу, который образцово ведет себя в быту, а в то же время работает вяло, без огонька, без любви к своему делу, которому незнакома радость творчества, романтика творческих исканий.

Тут неразрывная цепочка, все звенья которой взаимно обуславливают друг друга: поведение — культура — новаторский, творческий труд. Да, принцип «жить и работать по-коммунистически» — и никто не вправе замалчивать, обходить содержание в нем нравственное начало!

Э тот принцип рожден современностью, развивается и может развиваться только на уровне ее великих свершений. А порою новое движение предстает перед нами в не верных масштабах, искаженных и обедненных. Недавно мне, — опять-таки «по роду моих занятий», — еще и редакторских, — попал в руки очерк об одной коммунистической бригаде на предприятии швейной промышленности. О хороших делухах, об их хороших делах у себя на производстве рассказывал очеркист. Но забыл он рассказать и о том, как самой бригадой однажды поларили по какому-то случаю не то красивую брошь, не то ожерелье, и вот очеркист был умилен, растроган до крайности —

в порядке коммунистического отношения к личной собственности, что ли, девушка разрешила всем членам бригады носить свою брошьку. Я вернул автору очерка и убежден, что правильно сделал. Так рассказывать о движении коммунистических бригад — это значит мешать, даже оплошать движению. Не сомневайтесь, что героиня очерка, молодая швея, и впрямь достойна своего высокого звания члена бригады коммунистического труда. Но, видимо, достойна не только потому, что она переполняет нормы, вместе ходит в кино и по очереди носит подружнину брошьку. Чего-то самого важного в их труде и жизни очеркист не взглядел.

Сущность нового движения отчетливо открылась всем нам нынешней весной, когда мы узнали о делах вышеупомянутой текстильщицы Валентины Гагановой. Понинуть свою передовую бригаду для того, чтобы возглавить ее не неизвестными результатами Другую, отстающую! Да, это был поступок, в котором высокая идейность сочеталась с производственным мастерством и с самоотверженностью во имя великих общенародных целей. А ведь поступок В. Гагановой никак не был предостережен, не был записан ни в каких «нормативах», он возник в развитии самого нового движения, подсадили его сама жизнь, интуитивный разум молодой текстильщицы, ее бесполое сердце.

Не так давно в Ленинграде состоялась областная слет бригад и ударников коммунистического труда. Теперь уже можно определенно сказать, что движение это стало массовым. Год назад — одна на весь Ленинград бригада Михаила Ромашова на Металлическом заводе, сегодня — десять тысяч коллективов и свыше ста тысяч человек, соревнующихся за высокое звание. Люди принимают на себя обязательства выполнять семилетний план за пять лет.

А девушка, член бригады коммунистического труда на прядильно-ниточном комбинате имени Кирова, говорила о том, что их бригада выполнит свое семилетку за три с половиной года. Мало того, после личной встречи и разговора с Гагановой Нина Тимакова тоже возглавила отстающую бригаду..

НОВОЕ не сразу распознается в привычных рассказах о перетопленных нормах, о росте производительности труда. Что нового видим мы в работе члена бригады Тимаковой или бригады Ромашова? Характерно, что все их решения — результаты общих раздумий, что в труде своем они опираются на все совершенствующиеся технику, технологию и передовую организацию производства.

Учеба в школе рабочей молодежи, вечерние техникумы или институты не просто сопутствует их труду, но обуславливают их труд, становятся непременным условием их успехов. Не замкнутую группу передовиков представлял собой такая бригада.

Токарь Мазня из бригады Ромашова рассказывал, как его друзья приняли на себя обязательство никому не подогнать и совершеннано, то есть вооружившись своим опытом, самое меньшее пятью товарищами, весь участок сделать коммунистическим. Что ими движет?

Что им присуще? Конечно же, высоко развитое чувство коллективизма вместе с отчетливым пониманием задач, стоящих перед всем коллективом участка — цеха — завода и еще шире — перед всей страной.

Трудовая спайка входит в быт, и тогда ее называют дружбой. Техническая учеба в вечернем вузе или техникуме влетает за собой, тугу знают больше, учиться тоньше воспринимать музыку, живопись, поэтический образ, идти в университеты культуры. Из множества этих признаков и складывается духовный облик молодого человека нашего времени, шагающего в первых шеренгах бойцов за коммунизм.

Ударник коммунистического труда — это рабочий эпохи мирного соревнования высокоразвитого социалистического хозяйства с высокоразвитым капиталистическим хозяйством, эпохи космических ракет и атомоводов. Он не придаток к механизму, он человек, вооруженный механизмом, мыслящий, рассуждающий, творческий. При этом у него одна цель: благо народа и, стало быть, свое личное благо. Вот почему на слете так часто слышалось следующее, как бы подытоживающее цифры и проценты простое слово счастье. «Желаю вам счастья, друзья», — говорили с трибуны.

..И опять память уведит меня к временам тридцатилетней давности. Тогдашняя молодежь, сверстники мои — взлохмаченные, груды нараспашку, — как они любили и умели минигтовать, до крика, до испарины, до сорванных в усердии головок! А сегодня говорят участники слета, — и в самом звучании их речей, лишенных намека на какую-либо «мнитоиношную», построенных на точных выкладках, на точном анализе собственного труда и вместе с тем полных скрытого эмоционального накала, как бы слышится голос великого нашего времени — времени не только больших замыслов и надежд, но больших свершений, большого наследия. Чем vállalde те — тридцать лет назад? По существу, только верой. Верой в правоту предначертаний партии Ленина да неогнимою волей, упорным желанием все выполнить и победить.

Есть эта вера и у наших юношей и девушек, есть эта воля, еще более укрепленная сородадвухлетней историей первого в мире Советского государства. Но они стократ богаче своих отцов, потому что располагают уже накопленными нами могучими материальными силами. Физический труд не поглощает, как это бывало с их отцами, целиком их энергии, значительная часть ее уже высвобождена современной техникой для творчества. Хотеть знать больше — для них означает получить потребные им знания. Завтра, через год, через два они будут еще богаче. Вот свобода! Развивалась духовно и развивая духоме друг друга, гордясь друг другом, сплоченные, целестременные, они уже сплоченно могут работать по-коммунистически и жить по-коммунистически.

А ведь это и означает — быть счастливым. Ведь если перенести из словаря общественных наук в обиходный, житейский словарь прекрасное слово коммунизм, ему будет соответствовать другое простое и прекрасное слово — счастье.

ЛЕНИНГРАД

В ПОИСКАХ ЛЕНИНСКИХ ПИСЕМ

«...Это случилось в 1918 году во Владивостоке. Американский писатель Альберт Рис Вильямс, друг и спутник Джона Рида, приехавший в Россию, чтобы своими глазами видеть великие исторические свершения Октября, возвратился на родину. Незадолго до этого он полюбил от Владимира Ильича Ленина, с которым неоднократно встречался и беседовал, письма.

Вот как Альберт Рис Вильямс рассказывал об этом на страницах «Литературной газеты» в апреле нынешнего года:

«...Ленин написал и передал мне письма: в одном из них Ленин передавал свой привет американским социалистам-интернационалистам... В конце этой беседы Ленин спросил меня:

— Когда вы думаете уезжать в Америку?

— Я еще определенно не решил, — ответил я.

— Если вы думаете ехать через Владивосток, то лучше поспешите...»

Опасения Владимира Ильича оправдались: во Владивостоке Альберт Рис Вильямс был арестован интервентами как «большевистский агент».

«Но мне удалось спасти письма Ленина. Я успел передать их одной девушке, которую, помню, звали Зоя. Больше ничего я, к сожалению, о ней не знаю...»

Судьбой ленинских писем заинтересовался писатель Василий Кучерявенко. В свое время он собрал редкие рукописи писателя-дальневосточника В. К. Арсеньева, подготовил к изданию письма А. Руссева к дальневосточникам, разыскал малоизвестные материалы о фуске художника-маринисте Айвазовском.

Но сейчас он взялся за более сложное и ответственное дело: найти письма В. И. Ленина. Решить такую задачу одному — не под силу. И Кучерявенко обратился через газету «Тихоокеанский комсомолец» за помощью к молодежи города.

На призыв разыскать ленинские письма отозвались сотни комсомольцев Владивостока.

Узнав об этом, Альберт Рис Вильямс прислал писателю-приморцу письмо.

«У вас прекрасная идея, — пишет он, — мобилизовать на поиски писем Ленина прессу, пионеров и комсомольцев. Однако мне кажется, что искать надо старые фотографии, которые существовали в то время; может быть, старые фотографии помнят, где были эти фотографии и кому они принадлежали, потому что я фотографировал письма Ленина, и где-нибудь, возможно, хранятся их фотокопии или же негативы...»

Пионеры и комсомолы Владивостока пошли по указанной цели. Розыски принесли широкий размах.

ВЛАДИВОСТОК. (Наш корр.)

С. Маршак — почетный президент Федерации клубов Бернса

В конце лета нынешнего года Самуил Яковлевич Маршак, по приглашению Британского Совета, принял участие в торжествах в честь 200-летия со дня рождения Бернса. Большую часть своего двухнедельного пребывания в Англии С. Маршак провел на родине Бернса — в Шотландии, побывав в местах, связанных с биографией великого поэта, и, конечно, в Единбурге, где Бернс был увенчан званием национального барда Шотландии.

На днях С. Маршак получил письмо, в котором сообщается, что на ежегодном общем собрании Федерации клубов Бернса графства Эр, состоявшемся в городе Килмарнок, он единогласно избран почетным президентом федерации.

«Мы надеемся, — говорится в письме, — что вы примете эту честь, как слабый знак того уважения, каким вы пользуетесь в Эршире — «Стране Бернса».

Корней Иванович Чуковский

ЕЩЕ не рассветло. В пруду туманом светом кажется, что спят кусты и деревья, спит дорога.

Тихо стоит дом в глубине сада, и окна его темны. И вдруг одно окно на самом верку загорается. Это зажгло окно в кабинете Корнея Ивановича Чуковского. Огонь горит над его рабочим столом с пяти часов утра, он горит ровным, спокойным светом, пока его не победит свет дня.

Тому, кто пришел сюда впервые, кажется, что это дом покоя и отдыха. Тая здесь мирно и тихо. Тот, кто побывал здесь много раз, знает: это дом работы. И покой, и тишина здесь только кажущиеся.

Немало книг написал Корней Иванович с той минуты, когда 60 лет назад 18-летний юноша придумал свою первую строку. Но разве для количества страниц? Нет, конечно. И сам он считает, что литератор — срисунчик. Если не скажешь новое или по-новому, значит, только повторяешь то, что уже всем известно. Возьмем наудачу любую книгу, вышедшую из-под пера К. Чуковского, и тогда увидим: это — открытие.

Некрасов? Россия знала неполного, искверканного ножницами царской цензуры Некрасова. Чуковский разыскал и впервые напечатал несколько тысяч не-

ДЛЯ ЛЮДЕЙ

К 60-летию творческой деятельности К. И. Чуковского

Переделинская библиотека из всех окрестных деревень.

Нет, только кажется тихим дом Корнея Ивановича. Жизнь все время стучится сюда. Каждая вновь вышедшая книга — тоже стук в эти двери. И с какой же радостью встречаются в глазах читателя привычный облик поэта.

«Искусство перевода?» Это — первая книга о переводе, как о высоком искусстве, первая попытка выработать научную теорию художественного перевода.

Из-под пера Чуковского вышла единственная в своем роде книга «От двух до пяти» — книга для всех, книга, дающая каждому столько, сколько он может взять, способная утолить профана и мудреца, книга, которая отвечает и вашей охоте помыслиться, и желанию задуматься, книга о воспитании, о психологии и детской речи.

Сейчас на рабочем столе писателя рукопись о Чехове. Чехов? Что же нового можно сказать о Чехове? О нем написаны горы книг, статей, диссертаций — у нас и за рубежом. Но Чуковский верен себе: он открывает нам Чехова, как некогда открыл Некрасова.

— В прошлом году я успел напечатать всего лишь маленькую книжку о Чехове, — говорит Корней Иванович. — Это, так сказать, первая ступенька в ту книгу, над которой я работаю сейчас, — книга называется «Чехов и его мастерство». В ней я пытаюсь во что бы то ни стало доказать, каковы те, кажущиеся простыми, а на самом деле сложнейшие методы творчества, при помощи которых гениальный писатель с такой чудотворной силой воздействует на души людей.

Легко ли дается открытие?

Нелегко. Труд писателя — не фейерверк вдохновения. Это труд головы и сердца, руки и глаза, это труд повседневный, тяжелый, утомительный, требующий большого запаса здоровья, ибо кабинет писателя по праву можно было бы назвать одним из самых физически вредных пещер. И подарки вдохновения приходят только как награда за тяжкий повседневный труд.

Свет, который загорается в пять утра, рассказывает о великом трудолюбии. Свет в этом окне говорит молодому писателю: работа, только работа, прежде всего работа. И тогда не страшны годы. С годами приходит опыт, прибывает умение, прибывает мысль, копится страсть; и все это станет книгой — и мыслью, и страстью, и любовью к людям.

«Когда одну маленькую девочку спросили, понравился ли ей Чуковский, она ответила коротко и выразительно: — Ура! Ну, а как иначе скажешь о человеке, который умеет не только сочинять Мойловы, но и жонглировать стульями, тарелками, уметь прыгать, говорить стихами, знает на память множество сказок! И ребята безошибочно чувствуют: не только для них, а и для утоления собственной душевной потребности дружит с ними этот высокий седой человек.

Несколько лет назад в доме Корнея Ивановича была полка с детскими книжками — ребята приходили, брали книги почитать, прочитав, просили другую. Рядом с первой полкой выросла вторая, третья. Книг стало не пятьдесят, а двести и триста. Сначала в эту маленькую библиотеку ходило десятка четыре ребят, но каждый приводил друга, и с каждым днем читателей становилось все больше.

И тогда Чуковский стал подумывать о настоящей детской библиотеке, которая насытила бы это жгучее желание читать и узнавать новое. Подумал и решил такую библиотеку открыть. Перелистав полку с надписью «Библиотека», вы узнаете обо всем: как советовались с архитектором, как выбирали домик, как покупали его, сколько стоил кирпич, во что обшито малярные работы... Три года назад библиотека была построена. Славный домик, куда дети приходят не только за книгой. Тут есть комната, где можно готовить уроки. И встретиться с бывальными людьми, писателями и учеными. И здесь уже не десоток ребят, здесь полторы тысячи читателей в возрасте от трех до восемнадцати лет. И приходят в

Ленинград, этот единственный в своем роде из городов человеческих, может похвастать широкими горизонтами, и каковы бы ни было небо его, вы тутчас выйдя на улицу, обречены опуститься в него, словно плывете в море. Но под Ленинградом, на традиционной Пулковской горе, стоит знаменитая Обсерватория со своей столбой одной из точнейших в мире; в самом сердце города еще хранится здание львовской «Кунсткамеры», род куполом которого ютился в XVIII веке предшественница Пулковской; и, наконец, именно тут, в городе, возвынутом на воде и граните, великий отец русской науки, Михайло Ломоносов, наблюдал из окон собственного жилья Венеру, открыл в 1761 году атмосферу на ней... И традиции, хранимой этим городом в самой увлекательной архитектурной оболочке, пришедшие тот неуловимый аромат эликсира, какой силой всего чувствуется именно в науке, ветром облетает студенческие аудитории: астрономия выдвигалась на форпост математики, перекликалась с физикой и механикой, с химией, как некогда раньше; затворилась необычайно поэтически языком молного английского астронома Джинса, подхватывалась философами, как во время Канта. В числе других, два студента физико-математического факультета, большие друзья, — Николай Александрович Козырев и Виктор Амазаспович Амбарцумян — выбрали астрономию своей специальностью. Вместе они учились и, как говорят о них удивительные легенды, вместе ирридо дурчилились; вместе пошли аспирантами в Пулковку и вдвоем, еще со второго курса, когда Козыреву было только 17 лет, начали печатать свои совместные работы в астрономическом журнале.

Путь одного из этих друзей, В. А. Амбарцумяна, стал широко известен всему советскому народу и признан за рубежом. Путь другого сложился не так легко. Но много это путь привел его к тому, что, как мечта, жило в молодом поколении конца двадцатых — начала тридцатых годов, — к первому настоящему удару по антропии в науке и к первому научному штурму второго закона термодинамики.

Козырев родился в сентябре 1908 года на Васильевском острове, и всякий, кто увидит его сейчас, безошибочно определит в нем коренного, типичного ленинградца. Напился он блестяще и уже 25-ти лет прочно завладел себе признание в самых требовательных астрономических кругах за рубежом — в Англии, одном из центров теоретической астрофизики. Самые ранние его работы посвящены исследованиям атмосферы Солнца и звезд, наблюдениям над лунным затмением 14 августа 1924 года, солнечным затмением 29 июня 1927 года, изучением температуры поверхности Солнца. Чем интересны эти совсем еще молодые работы юного ученого, которому не стукнуло и двадцати лет? Прежде всего их очень большая современность; чтобы не сказать «аллобидеальность»: внимание юного исследователя, его методика, его выводы совпадали с тем, что делало самими передовыми астрономами мира в те дни, — и это говорит о многом; и о подвояжности самих учителей, вводивших студентов в передовую тематику для своей науки, и о доступности для наших студентов научной литературы на иностранных языках, и о постоянном живом обмене между учеными разных стран. Но вот и в этих ранних работах замечается нечто индивидуальное: растущий интерес к вопросу о лучевом равновесии во внешних слоях звезд. В 1927 году он делает ряд заметок по поводу теории лучевого равновесия английского астронома Милна; через два года печатает «Замечания по поводу работы В. А. Костянина к вопросу о лучевом равновесии звездных атмосфер». И, наконец, свои собственные исследования в этой области — «Лучевое равновесие протяженных атмосфер звезд» — печатает в ежемесячнике фотофизического астрономического общества в 1934 году. Это специальное исследование сразу выдвинуло его в ряды известных а рономов. Оно сделало необычайно изящно по форме, остроумно

по антропии в науке и к первому научному штурму второго закона термодинамики.

Флаг над крепостью

СКОЛЬКО легенд связано с этим островом, куда круто выходящим из Невы, у самого ее истока!

На берегу Ладожского озера, в Шереметьевке, я не раз слышал упорно повторяемый рассказ о том, что есть подземный ход, ведущий к острову, и что по тому ходу лет семидесят назад революционеры, заточенные в крепости, пытались пробиться на волю.

Много рассказов и о временах, более близких нам, временам Великой Отечественной войны, когда на острове в двух сотнях метров от врага воевал героический гарнизон. Ладожские рыбаки, матросы до сих пор передают друг другу поэтический сказ о красном флаге. В тяжкую боевую годину этот флаг появился над крепостью и будто выткала его ленинградская ткачиха, подарившая сыну, команданту островного гарнизона.

Незабываемые страницы революционной и боевой истории нашего Отечества связаны с этим островком на Неве, с высящимися на нем суровыми руинами Шлиссельбургской крепости.

Сотни и тысячи людей приезжают сюда, чтобы взглянуть на знаменитый «Орешек».

В последнее время множество писем приходит в ленинградские организации и редакции газет. В письмах одна просьба: устроить на острове музей.

Сейчас можно сказать, что большая работа по восстановлению «Орешка» начата. Недавно, в одну из недель, предшествующих Октябрьской годовщине, на острове произошло знаменное событие. В гости к рабочим, восстанавливающим крепость, приехали старые коммунисты, бывшие узники «государственной темницы». Здесь их встретили участники обороны острова в 1941—1943 годах и местные школьники. В этот день как бы подарили друг другу руки три поколения «Орешка».

Федор Николаевич Петров, член Коммунистической партии с 1896 года, оставивший у одной из камер Народовольческого корпуса, о котором мы знаем по книгам Фитнера, Морозова, Фроленко и др. долгие годы в заточении провел этот седой, но неподдающийся старости человек.

— Памятные места, — говорит Федор Николаевич, — семь лет моей жизни, с 1908 по 1915 год, пробыл я тут, вот в такой же камере. А знаете, как мы называли эту страшную каторжную тюрьму? Шлиссельбургским университетом! Мы и здесь учились, готовились к новым революционным боям.

Очень важным событием для Федора Николаевича была встреча в крепости с Серго Орджоникидзе в 1912 году. Серго принес весть о подъеме революционного движения. Он увлеченно, с любовью говорил о Владимире Ильиче Ленине.

— Голубиной почты на острове, конечно, не было, — продолжает рассказчик, — хотя летом сизые вестники часто залетали на час. Почта была другая, надежнее. В арестантской бане в стене мы вынули кирпич и в этом тайнике оставили для передачи письма. Была у нас тайная связь с волей. Мы даже получали оттуда запрещенные книги.

Однажды мать одного из заключенных передала в крепость объемистую религиозного содержания книгу. В нее оказался влетевшим замечательный новый труд В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Эта книга обошла всю крепость... Рядом с рассказчиком о стоит его седой товарищ, тоже шлссельбуржец и старый коммунист Иосиф Карлович Гамбург. Наклонясь к стене, он начинает тихо выстукивать согнутым пальцем. Федор Николаевич прислушивается, «читая» звуки: «тук-тук-тук».

Странно звучит сейчас этот камешный шорох, — словно издали долетел он к нам. Нет, ничто не забыто. Именно так, шкворн каменья в крепости, впервые услышали чудесные стихи:

Друг, мужайся! День настанет! В алом блеске солнце встанет! Синей бурей море грянет, Волны пены зальют! Будет весел многоводный Пир широкий, пир свободный.

Он сметет грозой народной Наш гранитный каземат... Автор этих стихов — Серго Орджоникидзе.

ПО КРЕПОСТИ НОМУ двору лет семнадцать назад мог бы появиться пробыл бы только траншей. Гитлеровцы со своих позиций видели каждый закоул островка, держали его под непрерывным обстрелом.

Здесь вся земля перепалана снарядами. Посреди двора высится остов сожженной колокольни.

В. Траньков, пулеметчик островного батальона, ныне конструктор судостроительного завода, рассказывает, как солдаты и морские прагудили путь врагу, рвавшемуся на правый берег Невы, к Ленинграду.

Здесь, в крепости, Транькову исполнилось восемнадцать лет. Его огневая точка находилась в Шереметьевском проломе, в стене. Он рассказывает о своих друзьях: комиссаре крепости В. А. Марулине, артиллериисте К. И. Калинин, минометчике Герое Советского Союза

МОСКВА ПРЕДПРАЗДНИЧНАЯ

Подарками

Новоселья Фото А. Князев

Время с большой буквы

И в соке лозы виноградной, И в песне, что пропойт поэт, Твой легкий шаг, твой шаг отрадней — Почетный оставляет след. Из «Оды Времени»

Маризетта ШАГИНИЯ

Много лет назад, — если не ошибаюсь, в начале тридцатых годов, — в городе Баку произошло необыкновенное событие. Говоря языком былин, «то не забил новый фонтан нефти», не вспыхнул пожар на промыслах, не случилось торжественное открытие нефтепровода или другого какого-нибудь полезного предприятия... И все же каким-то своим концом или боком необыкновенное событие имело отношение к нефти. В скромном нефтяном институте был проведен диспут, имевший, казалось бы, интерес только для специалистов. Между тем этот диспут привлек множество молодежи, отозвавшись в вузах и вузах других советских городов, посыпались письма, просьбы стенограмм, и пришлось полный отчет о диспуте, с рецензиями всех выступавших, издать отдельной книжкой — книжкой тех далеких лет, на серой бумаге и с плохим шрифтом, но драгоценной для тех, кто ею сейчас обладает.

Известие о диспуте перекатилось и за рубеж. По крайней мере в те же дни к микрофону подошел не кто иной, как сам папа римский; он стал с большим жаром говорить из Ватикана своей пастве — ubi et ergo — на весь шар земной, как раз то, что было предметом бакинского диспута. Читатели сразу подумают о политике: ага, значит, речь шла о большевиках, о грядущем коммунизме... И опять придется прибегнуть к былинному обороту речи. Нет, не о том шла речь на диспуте, хотя, может быть, на один науч-

ный теоретический диспут не приближался так к большой теме будущего, не заглянул в лицо коммунизму так, как этот скромный разговор ученых-нефтянников. О чем же был диспут?

О «Втором законе термодинамики». В строгом ряду физико-математических законов, выражаемых отвлеченными формулами, второй закон термодинамики занимает совсем особое место: он задает за живое каждого человека. Представим себе врача у вашей постели, академически ставящего на короткий диагноз: «Вы умираете». Второй закон как бы держит пульс Вселенной, осмеленные считая его кажущееся ослабление, чувствуя похолодание живой руки его в своей ледяной математической лапони, и говорят намему бытию: «Ты осыпашься, осыпашься, тебе грозит смерть». Необратимость теплового процесса, необходимость снова затратить тепло, чтоб сохранить или возродить тепло, неизбежное рассеяние тепла, энтропия, конец. Концов большой буквы, — вот в сущности содержание второго закона термодинамики, которого никто не смог ни опровергнуть, ни поколебать. Помню, как в дни диспута лихорадочно раскупались и до дыр зачитывались маленькая книжка Лемана об энтропии. Помню, как тогда ватиканского оратора торжественно вывелило на радио неотвратимо выключало «конца света» и «беспорное доказательство бытия бога»: «Что должно кончиться, то должно было начаться, а начав из ничего может только бог». И еще помню, — тетради писаны у меня воспоминаниями тех дней, — как яростно возмущалась студенческая молодежь многих советских вузов в этот бакинский спор, предлагая десятки способов побе-

дить ненавистный закон. Весть «энтропия» была как бы другой стороной медали, на которой написана «сущность», воспитанная па Марксе и Ленине, строила будущее мира, и она не вернула, не желала верить ни в какой конец и снова, как средневековые механики, вычерчивала тысячи проектов, где вот-вот, кажется, крупится какой-то недостаток, чтоб осуществиться простой, ясный, почему-то никем до сих пор не увиденный «вечный двигатель».

Но что же было в Баку? Несколько десятков ученых, каждый по-своему и со своей позиции, от термодинамики до философа и от идеалиста лица агностика («не знаю и знать не могу») до диалектика-марксиста, выходили на кафедру и разными методами излагали все тот же один-единственный «второй закон термодинамики». Это было редчайшее зрелище для художника, зрелище творившееся перед ним типизация, где отвлеченный физико-математический закон одним умом, несмело, словно яркой вспышкой молнии, освещал социально-политическое лицо ученого и выдала перед зрителями тип его мышления, его характера, как упавшая маска на карнавальном открывала человеческие черты лица. Вот мимое ученое беспритрастие, под которым чувствуется злорадство идеалиста; вот открытый вызов реакционера, видящего во втором законе прочный фундамент старых общественных отношений; вот неуверенные попытки ограничить второй закон коротеньким радиусом нашей солнечной системы, а что там за ней — неизвестно; вот, наконец, уверенный, молодой теоретик философа, мало смывающего в физике, но убежденного, что с марксистской точки зрения так быть не должно и быть не смеет.

Захваченная этой полифонией великоленной многоголосой фуги в лицах, я даже собралась было в те далекие дни писать роман «Второй закон термодинамики», и заявка на него уже лежала в портфеле редакции, уже печатно была обещана в программе журнала. Но роман не мог быть написан, ему не хватало главного действующего лица, в фуге не было ведущей советской мелодии нового ученого, рожденного наступающей эрой коммунизма. Нельзя было писать роман о Смерти, когда еще не нашлось могучей мысли, вырвавшей ее жало, острых глаз, подметавших ахилесову пяту второго закона, — словом, нельзя было писать роман об энтропии, когда победу на поле научной битвы, во всей видимости, одерживал римский папа.

Читатели усомнятся, быть может, несколько вообще подходила такая тема для романа. Но то были замечательные годы интереса огромнейшего большинства молодежи именно к вопросам научно-теоретическим. В Москве студенты-математики могли тоже напорозе спорить о том, что, по ранним математическим тетрадкам Маркса, представляют собой нули — чистые ли нули или нечто большее, чем нули. Проблема нуля впервые стояла на кафедре профессора Яновской. Студенты-плановики, люди практического опыта, взятые в Планоую академию с больших хозяйственных постов, бегали слушать эти споры о нулях и досаждали скромному своему лектору, математику Березовскому, вопросам, может ли быть вообще чистый нуль и как заполнить бедуни между нулем и единицей?

А в Ленинграде в это же время... Но перейдем к следующей главе.

ЛЕНИНГРАД

НОВЫЕ СТИХИ

А. ПРОКОФЬЕВ

НА ТЕМЫ САМОКРИТИКИ

Нам кое-что простят эпоха,
Отлобят с нами, отгустят.
Но что Россия знает эпохи,
То уж, наверно, не проплет!

Посмотрит строгими глазами
И спросит, может, на ходу:
— А что вы видели в Рязани
Ну... все равно в каком году?

А что ответил:
— Не бывали,
Все собрался как-нибудь...

— Рязанцы звали?
— Очень звали.
— Быд путь другой?
— Какой там путь!

Сидели, мило балагури,
Иль, скажем, в молниях,
в громах
Сводили, стаскивали бури
В больших писательских домах.

Одни кричали: — Любо! Мило!
Другие тоже: — Знаем нас!
В таких сраженьях сам Ермаков
Не раз участвовал, не раз.

А за поляны, за лесами
Корабль качался по волнам,
Не до Орла, не до Рязани,
Не до Урала было нам.

Но все ж давнее было это,
Метель те битвы замазала.
А каковы теперь поэты?
А каковы у них дела?

Дела... Дела... Да, лучше вроде.
Но все равно, из года в год
Иные в подлинном походе,
Иных не вывошешь в поход.

Все тянет их к заморской сини.
А я скажу, в чем наша честь:
Нам надо знать свою Россию,
Пора пришла. И силы есть!

ПОРАЗБИВАЛИ СТРОЧКИ ЛЕСЕНКОЙ

Поразбивали строчки лесенкой
И удаляли белый свет.
А нет ни песни и ни песенки,
Простого даже ладу нет!

Какой там лад в стихе
расхристанном
И у любой его строки —
Он, отойдя едва от пристани,
Дает тревожные гудки.

Длинка ты, лестничка
московская,
Не одолеешь до седины...
Сылаются на Маяковского,
Но Маяковский есть один!

Ужель того не знают птенчики,
Что он планетой завладел?
Они к читателю с бубенчиком,
А он, что колокол, гудел.

Да и работал до усталости,
Не жил по милости судьбы.
А мы по малости, по малости,
Не переписали кабы!

А я вот так смотрю, что смолоду
Побольше б надо пламенеть,
Еще мы часто слово-золото
Снепим разменивать на медь.

Ее, зеленую от древности,
Даем читателю на суд.
Но если к слову нету ревности,
То десять лестниц не спасут!

Обсуждаем проблемы критики

Помогая жизни

СЛУЧИЛОСЬ так, что когда уже было написано несколько страниц этой статьи, мне пришлось поехать на месяц в командировку в Свердловскую область.

Инициатором командировки был заведующий одним из отделов ВЦСПС Лаврентий Иванович Погребной.

Время от времени, — сказал Лаврентий Иванович, — Президиум ВЦСПС обсуждает вопросы соревнования бригад коммунистического труда. Как полагается в таких случаях, мы рассылает своих инспекторов на места — посмотреть, как идет соревнование, какие имеются трудности, трудности, как руководит соревнованием наши профсоюзные организации. Почему бы не поехать в качестве инспектора и вам? И для нас будет интересно посмотреть на свои профсоюзные дела глазами «стороннего» человека, да и вам, литератору, будет, вероятно, не бесполезно понаблюдать заводскую жизнь с не обычного для вас ракурса.

...Не знаю, какого качества — с точки зрения трудной канцелярской науки — оказалась моя длинная, в 50 страниц докладная, но твердо уверен, что не было среди моих многочисленных журналистских поездок по стране более интересной и содержательной, чем эта поездка в качестве инспектора отдела труда и зарплаты ВЦСПС. Погребной оказалась совершенно прав.

Помимо всего прочего, поездка эта позволила мне найти дополнительные, несомненно, как мне кажется, доказательства в защиту мысли, с которой мне хотелось выступить в дискуссии по критике.

А мысль эта такова: как статья С. Смирнова, положившая начало дискуссии, так и последующие статьи страдают, по моему мнению, одним крупным недостатком, отражающим и главный недостаток нашей критики. Вопросы литературной критики разбираются здесь преимущественно лишь в плане ее взаимоотношений с писателями. План этот, бесспорно, важный, но является ли он единственным? Ведь, кроме писателя и критика, в литературном процессе участвует еще и читатель, который, собственно говоря, осуществляет и сама литература, и ее помощница — критика. Это читатель.

Ведь если бы — я нарочито заостряю постановку вопроса, чтобы вскрыть его суть, — если бы роль критика сводилась к советам тому или иному писателю, то его рецензии можно было бы с успехом печатать в двух экземплярах: один — для автора произведения, другой — для критика.

Критики же обычно ведут свой разговор с миром: на страницах газет и журналов, — и тем самым вовлекают в разговор о литературе и широкую читательскую массу. Нравится это или не нравится самому критику, но он обязан («обязан» — не самое драгоценное слово в разговор о творческой деятельности, но в данном случае без него не обойтись) быть посредником между читателем и писателем, оценивать, рекомендовать или не рекомендовать ту или иную книгу. Он должен быть не только критиком в узком смысле этого слова, но также «оценщиком» того или иного произведения, но — мне хотелось бы особенно подчеркнуть это — и публицистом. Публицистом как по характеру подхода к литературным явлениям, так и в части прямого вмешательства, вторжения в жизнь.

МНЕ УЖЕ ПРИХОДИЛОСЬ несколько лет тому назад писать об этом в «Литературной газете». Позволю себе повториться. Счастье советского писателя в том, что его художественное сознание отражает самую богатую, самую содержательную, самую умную из когда-либо существовавших культур. Счастье советского писателя в том, что своим пером он служит преобразованию, обогащению этой жизни.

Задача критика — подхватить мысль писателя, если она того заслуживает, развить, если этого требует дело, продолжить ее, доведя до логической ясности и публицистической остроты, и, наоборот, поспориť с писателем, если тот неправ. Критика призвана ответить на те вопросы, которые писатель, отражая в своих произведениях процессы, явления, тенденции действительности, только поставил, не сумев или не попытавшись их решить.

Тщательное, помеченное писателем в окружающей его жизни, получает в работах критика-публициста свое дальнейшее заострение, позволяющее еще глубже проникнуть в сущность явлений. Белинский пушкинские строки о Татьяне Лариной послужили источником для

вдохновенных страниц о судьбе русской женщины. Сколько принципиальных, жизненных вопросов поставил Н. Г. Чернышевский в своих «Размышлениях» по прочтении повести Тургеневца «Ася», названных им «Русский человек на гонимых». Благодаря критическим статьям Добролюбова действительная роль писателя Островского возросла во много раз, а образ гонимого Обломова получил большую социальную значимость.

Павел МИХАЛЕВИЧ

Тесной связь литературной критики с текущей политической жизнью, политикой партии требовал В. И. Ленин в письме А. М. Горькому от 7 февраля 1908 года. В. И. Ленин писал: «Ох, несть добра в особых, длинных литературно-критических статьях — рассылающихся по разным полуэлитным и внепартийным журналам! Лучше бы нам попробовать сделать шаг дальше от этой интеллигентской старшей, барской замашки, сиречь связать и литературную критику теснее с партийной работой, с руководством партии».

Выполняя требования своего великого друга, А. М. Горький в ряде статей на литературные темы дал великолепные образцы критики, где проблемы литературы переплетались с наиболее злободневными проблемами жизни.

РАЗВЕДЧИКИ БУДУЩЕГО — так обычно называют участников бригад коммунистического труда, в своем большинстве молодых людей, взявших на себя труднейшую задачу — работать и жить по коммунистически. А ведь они не только разведчики будущего, но и творцы настоящего. Плоды их усилий, скажем, в той же Свердловской области, — и в досрочном выполнении местными предприятиями своих планов, и в том, что этой осенью увеличилось в два, а где и в три раза количество учащихся в школах рабочей молодежи, и в том, что условиями народных добровольных дружин (а большинство в них составляют члены коммунистических бригад) в ряде рабочих поселков области хулиганство сведено на нет.

Главное же историческое значение деятельности этих скромных и героических людей в том, что они впервые в жизни человечества ставят задачу воспитания нового человека — не шагом, настойчиво и терпеливо, овладевая наукой коммунистической жизни.

Уже появилось немало корреспонденций и очерков, прославляющих труд и жизнь этих людей. Однако очеркисты почти не пишут о том, как порой трудно бывает борьбу их героев за будущее, сколько нелегких, порой опасных боёв и находок приходится пережить буквально каждой бригаде коммунистического труда, сколько самых неожиданных вопросов встает перед ними.

Один пример. Много месяцев метался по гордогу Пышме молодой, неудачливый в жизни парень. Назову его Виктором П. Из института его исключили за пьянку. Устроился на завод, прогулял — его и оттуда выгнали. Ни на одном другом предприятии брать его не хотели. Без работы бездельничал, дошел до возраста. И вот решила его взять к себе «на воспитание» одна из бригад, борющихся за звание коллектива коммунистического труда. Были у него и здесь вначале срывы. Но товарищи не жалели сил, чтобы из Виктора П. «сделать человека», и сейчас его называют в числе лучших людей заводской бригады, достойным ее членом.

Множество проблем, вопросов каждого дня встает перед разведчиками новой жизни. Как подойти к заблудившемуся или просто ленивому человеку, чтобы раскрыть для него прелесть труда? Как быть, если непохожий, в сущности, человек, по стечению обстоятельств опустился, — как поправить его, вернуть в коллектив, не поступившись принципами, за которые коллектив борется? Как...

Труднейшие психологические задачи встанут каждый день перед нашей рабочей молодежью. Помочь ей — долг наших писателей, нашей литературной критики.

К сожалению, художественных произведений, так прямо отвечающих на запросы коллективов коммунистического труда, пока еще нет. Но есть произведения лучшего равновесия во внешних силах звезд, но и больше, чем помогли: они натолкнули его на выводы, которые в свою очередь привели его к последнему кэсперовскому открытию, относящемуся к «кэсперу времени», ко времени с большой буквы, — к первому штурму «второго закона термодинамики». Так как эта строгая последовательность мышления, это единство темы, развивающейся на протяжении нескольких десятков лет, представляют собой не только самую характерную черту Козырева-ученого, но и вообще крайне необычную черту в истории науки, я расскажу о ней читателю хотя бы очень кратко и максимально упрощенно.

Известно, какое огромное развитие получила за последние десятилетия атомистика. И понятие, каким областям для физиков-атомщиков стала возможность объяснить некоторые явления во Вселенной не чем иным, как термодинамическими реакциями. Появилась теория Бете, выводящая энергию Солнца и звезд именно из них. Козырев в своей диссертации сменой выдвинул против Бете. Изучая лучевое равновесие во внешних слоях звезд-сверхгигантов, он еще в начале тридцатых годов отметил целый ряд явлений, необычайных с точки зрения термоядерной физики, в частности — более низкую температуру этих звезд, недостаточную для таких реакций. Шаг за шагом, путем точнейших уравнений, где одно единственное «известное» (основная закономерность астрофизики: «соотношение между массой и абсолютной яркостью звезд») помогает ему выявить целый ряд «неизвестных». Козырев доводит цепь своих доказательств до невозможности считать источником энергии Солнца и звезд термоядерную реакцию. Результат диссертации как будто негативный, ответ получается как будто чисто отрицательный: объяснить процессы, с помощью которых звезды производят энергию, классическими законами механики нельзя. Но проведенный в диссертации анализ отнюдь не только негативен, он закладывает фундамент для огромной последующей работы.

ведения, в какой-то мере близкие этой цели, хотя их герои и действующие в нескольких других обстоятельствах. Одним из таких произведений мне представляется напечатанный недавно в журнале «Ураль» роман Андрея Черкасова «Человек находит себя».

ГЕРОИН РОМАНА Черкасова работают на мебельной фабрике. Выбор объекта не случаен — автор сам работник одной из таких фабрик. Он хорошо знает труд и жизнь людей, о которых рассказывает.

Тема произведения — в его названии. Люди ищут и находят себя в коллективе, в гуще фабричной жизни. Это равно относится и к главной героине — молодой инженеру Тэне Озерцовой, и к инженеру-библиотекару Вале Светловой, и к слесарю-новатору Алексею Соловьеву, и к бышшему «трудколону» Илье Новикову...

Не только отдельные герои, ищет и весь фабричный коллектив, смело решающий задачи технического прогресса, сложные проблемы производственного быта. Автор показывает столбовые растущего коммунистического сознательности коллектива с людьми подлой души — ставителем Ярыгиным, карьеристом Костылевым, присваивающим чужие изобретения. Роман проникнут глубокой любовью автора к людям и поэзией той слитности интеллектуальных и физических сил, в которой — счастье человека.

Не просто складываются личные взаимоотношения героев романа. Большая любовь любит Алексея Тэню. Но неслучайно случил отрывал на долгие месяцы от близкого человека — Георгия Громова. И хотя любовь эта — в одном случае неразделенная, а в другом очень трудная, но она не затмевают жизни молодых людей, а наоборот, помогает им в поисках лучшей судьбы, в «нахождении» себя...

Роман Черкасова я прочел во время разговора по предприятиям Свердловской области... Впечатления от него складывались на впечатления от наблюдения мною и услышанного о человеческих судьбах, складывающихся в новых условиях жизни бригад коммунистического труда. Невольно события романа проверялись реальными жизненными ситуациями и, наоборот, рассказ о том или ином трудном случае возбуждал мысль: а как в этих случаях поступили бы Тэня, Алексей, другие герои Черкасова?

И вот когда я сейчас думаю: если бы мне как критику было предложено написать статью о романе Черкасова, разве имел бы я право ограничиться чисто профессиональным разбором литературных его данных? Думаю, что нет.

Понятно, от этого разбора я вообще не ушел бы, тем более, что удач и неудач произведения дают достаточно материала, чтобы сделать разговор о них интересным. Можно было бы сказать о недостатках композиции романа, о его «разностности» — автор порой слишком долго топчется вокруг вещей незначительных, о значительном же говорит спороговоркой. А всего интереснее в этом профессиональном литературоведческом плане было бы размышление о проблеме психологического анализа, изображения психологии героев в ее статике и динамике. Здесь у Черкасова есть и удача, и ценные находки.

И при всем при этом я был бы обязан — применительно к данному роману и данному конкретному историческому моменту — соотносить книгу с действительностью.

Лично я сказал бы, используя свои наблюдения, насколько успешной решаются иные сложности теперь, когда на предприятиях живут и действуют бригады коммунистического труда.

В романе обстоятельно рассказывается, к примеру, о творческих поисках, находках и ошибках талантливого самородка-изобретателя Алексея Соловьева. В конце концов Алексею на помощь пришли инженеры завода. Но есть в этой помощи какой-то элемент случайности. Хорошо, скажем, что у Алексея оказалась соседкой славная Тэня Озерцова. Ну, а если бы этого не случилось? Куда легче работать, скажем, рационализаторам-уральцам

из бригады Тюленева, которым в порядке шефства помогают и инженеры цеха, и научные работники политехнического института! А на Уральском алюминиевом заводе молодые специалисты прямо становятся членами бригады коммунистического труда, вместе с рабочими борются и творят...

Это одна из возможных сторон статьи критика-публициста о романе Черкасова. А вот другая. Черкасов штрихами, несколько небрежно нарисовал образ любителя длинного рубля столара Бокова, которого правильно организованная система зарплаты при рабочем взаимоконтроле заставляет быть рачителем государственной и одновременно своей собственной копейки. Очень интересно! Но продолжим мысль. Нарушением коммунистической морали является не только пьянство или крепкое слово. В коллективах приходится иметь дело еще и с людьми вроде Бокова. Как их привести к коммунистическому пониманию личных и общественных интересов? Автор заметил довольно верную линию, по бросил ее на полдороге. Разве плохо было, если бы критик подхватил мысль автора и довел ее до конца? Разве не была бы полезна такая работа для молодых читателей?

Думается, что подобная публицистическая работа критика могла бы ему и в профессиональном разговоре с писателем. Элементы разговора остались те же: стиль, сюжет, композиция, искусство фабулы, богатства языка. Но каждое из требований было бы обогащено соотношением всех этих элементов литературной формы с сегодняшней действительностью...

Конечно, такой разговор, так же как и вся система публицистической критики, требует от критика гораздо лучшего, чем сейчас, знания действительности, требует большего публицистического таланта.

Но разве можно бояться больших задач?

Художник И. П. Родимов готовится к выставке «Советская Россия». Очень часто его можно встретить на этюдах у Кремля. Фото А. Кизева

РЕПЛИКИ 4:0 В ПОЛЬЗУ РОДСТВЕННИКОВ НЕВЕСТЫ

Все было, как пишут поэты. Были шепот, и робкое дыхание, и встречи на скамейках, и прогулки при луне. И не было никаких прелестей на пути двух аполлонов, когда, взявшись за руки, они отбылись в районный загс.

Массивная дверь пропустила робкую пару в довольно вместительный зал, стены которого были украшены цитатами из остроты Колекса законной браке, семье и опеке в стихов Колекса о браке, семье и опеке и стихов С. Шапала.

«Брак прекращается смертью одного из супругов, а равно признанием его умершим в нотариальном или судебном порядке», — прочел жених.

«Ты порой целуешь ту, порою — эту...» — прочла невеста.

Дождаться до конца они не успели. Два блестящих бригадиста, подхватив под руки, энергично поволокли их на сцену, где за длинный стол, накрытый красной скатертью, уже усаживались представители общественности, торопливо гася окурики и поправляя галстуки. Церемония началась.

Бригадисты возложили на ошеломленных жениха и невесту широкие красные ленты, исписанные славянской вязью.

«Ревность есть пережиток разлагающегося буржуазного общества...» — с трудом прочла невеста на животе любимого.

«Каждая девушка имеет возможность стать матерью-героиней», — не поверил своим глазам жених.

Но дождаться они опять не успели. Бригадисты торопливо устанавливали на затылок уложенных волос невесты какую-то массивный предмет, сделанный по образцу экспонатов исторического музея.

Видя, что у невесты подкашиваются ноги, он сэрдобольно шепнул ей на ухо: — Не бойтесь! Так надо. Это кокошник.

Все присутствующие встали и поспешно заперли хорошо поставленными голосами какую-то песню. Жениху показалось, что это «Смелого люта боится». А невесте послышалось: «Некому березу заломать».

Наконец певье прекратилось. Один из блестящих объявил:

«Начинаем выступление.

Молодая невеста, томя поглядывая на молодоженов, исполнила романс «Дышало восторгом сладострастья».

Жонглер с равнодушным лицом несколько минут поигрывал предметами домашнего обихода.

Лучшие стигматы района скромно продемонстрировали свои движения.

Фокусник-иллюзионист, загадало жениху, извлекая из правой ямки жениха обручальные кольца, а из кружевного

платочка невесты книгу «Мать и дитя». Потом все присутствующие поиграли в «казаки-разбойники», и в заключение состоялось футбольный матч между родственниками жениха и невесты, который закончился со счетом 4:0 в пользу молодых.

Стоп! — скажете вы. — Хватит. Так не бывает!

Правильно, не бывает. Вернее, пока не было. Пока это только проект, предложенный директором Оршинского Дома культуры М. Горниновым («Известия», № 248 за 1959 г., «Да, нужны советские обряды»).

Предоставим слово ему:

«Я бы предложил следующую церемонию свадебного торжества... На сцене с левой стороны за круглым столиком должны сидеть жених и невеста. За большим столом — представители общественных организаций, родители, друзья жениха и невесты. Торжественную часть отъезда представляет райсоветы и горисполком. Он подводит к молодоженам, горячо поздравляет их и одевает через плечо широкие красные ленты с надписями о верности, долге и чести. На голову невесты надевается красивый кокошник.»

В этот момент хор и все присутствующие поют свадебную песню.

Как видите, мы прибавили немного.

— Ну да, немного, — скажете вы, — а певца, а фокусника, а эта глупая выдумка насчет футбольного матча?

Ах, вы не верите? Продолжаем цитировать М. Горнинова:

«Затем начинаются массовые танцы, пляски, игры и проводятся спортивные (!!!) и концертные выступления.»

Настало время подвести итог.

Да, нам нужны советские обряды. И совершенно правильно поступает газета «Известия», предоставляя свои страницы для обсуждения этих вопросов. Но с М. Горниновым нам все-таки хочется поспорить. Может быть, не будет особой бедой, если стол невесты и жениха будет стоять не на левой стороне сцены, а на правой. Или даже посередине. Пожалуй, можно обойтись и без кокошника. Возможно, не обязательно проводить по случаю каждого бракосочетания спортивные мероприятия...

Одним словом, не стоит заменять скучную регистрацию брака хорошо отрепетированным, театраллизованым «действом». Пусть этот обряд (если уж воскрешать это слово) будет живым, праздничным, непринужденным.

(Окончание на 4-й стр.)

по доказательствам и плодотворно по выводу. Тотчас за ним в том же месяцы напечатана статья на ту же самую тему знаменитого уже и тогда астронома — индуса Чандрасекера, написанная на полгода позже козыревской. Стоит сравнить эти работы, чтобы сразу почувствовать остроту и ясность мышления советского ученого: не говоря уже о том, что Чандрасекер спустя полгода пришел к тем же выводам, что и 25-летний советский ученый, уступив вдобавок этому последнему приоритет в решении вопроса, он сделал свою работу куда более громоздкой и тяжеловесной, нежели простая и точная, не имеющая ни одного лишнего слова, статья Козырева. В официальной характеристике Козырева, в ее официальном портрете, данной много лет спустя Пулковской обсерваторией научным трудам Козырева, так говорится об этой небольшой статье: «Предложенная Козыревым теория строения протяженных атмосфер звезд позволила объяснить ряд особенностей горячих звезд, в частности звезд типа Вольфа-Райе и Р Лебеда, из которых происходят интенсивное ислечение материи. Интерес к этим звездам сохранился и ныне, особенно в связи с вопросами космогонии, а теория Козырева применяется советскими и зарубежными астрофизиками к исследованию звезд гигантов и сверхгигантов, занимающих особое место в процессе эволюционного развития звезд».

Годы, последовавшие за этой работой, были исключительно плодотворны для Козырева. То было время всевозможных исследований стратосферы, время, уже намечавшее практическое освоение космоса. Исследования Козырева оказались жизненно важными. Он применил свою теорию лучшего равновесия к атмосфере нашей планеты Земли, погрузив в изучение ее полярных сияний, в исследование свечения ее ночного неба. И уже в ходе тогдашних его работ наметилась та необычайная органичность темы, последовательность ее развития, разносторонность ее исследования — при огромной способности внутренней концентрации на ее основном звене, — какая характерна

сейчас для всех его позднейших исследований. Но если задуматься над величайшей разрозненностью его тогдашней внешней жизни, то увидишь нарастающую угрозу ятым чертам, угрозу его основной работе исследователя. Непрекращая внутренней способности к концентрации, Козырев ни от чего как будто не умеет отказаться в это свое самое бурное пятилетие. С 1931 года он — старший научный сотрудник Пулково. Но в то же время — ассистент на кафедре математики в Авторском институте, доцент математики в ЛИИПСе, преподаватель мореходной астрономии в Военно-морском училище имени Фрунзе, профессор астрономии в Педагогическом институте имени Покровского, старший научный сотрудник в университетской обсерватории. Кажется, нет дороги, закрытой для него, нет вещи недоступной. Ему 28 лет. Его эlegantный манер математического мышления; его лаконичной и по-исинградскому слегка картавной речи; его точной, — англичане называют такую точность «кажактовой», — форме изложения соответствует и типичный облик ленинградца, сухощаво-стройная фигура, строгая выправка, иссиня-блестящие, до неолыпырки пристальные глаза, словно «наготавшихся» звездного сияния. С ними переписываются видные астрономы всего мира. В его большой квартире в месяц гостят Чандрасекер, делая по утрам свою гимнастику йогов. Блистающее начало учебного поприща. И тут, неожиданно для Козырева, жизнь поставила его перед тяжким испытанием, нарушившим его нормальную творческую работу...

В 1948 году Н. А. Козырев защищает докторскую диссертацию, несущую название: «Источники звездной энергии и теория внутреннего строения звезд».

Первое, что бросается в глаза даже не специалисту, это — использование в ней Козыревым всего своего предыдущего опыта. Для теории внутреннего строения звезд ему не только помогли исследова-

* См. Известия Крымской астрофизической обсерватории, том II, стр. 3-43 и том III, стр. 54-83. Цитируемое место — том II, стр. 5.

** Автореферат из «Докладов Академии наук СССР», 1950, том 70, № 3. (Кубенский — М. Ш.).

Неблагоприятная роль, или тщетные попытки «червь-народов»
Рис. Бор Ефимова

БЕЗ ВОЙНЫ

ОСУЩЕСТВИМАЯ МЕЧТА

Джеймс Олдридж,
английский писатель

КОГДА глава англиканской церкви архиепископ Кентерберийский Д. Фишер сказал, что программа господина Хрущева о полном и всеобщем разоружении настолько хороша, что «ни один христианин не мог бы выдвинуть лучшего плана, чем этот», тем самым он перед всем английским народом окончательно объявил идею всеобщего разоружения правильной и приличествующей каждому христианину.

Пусть вас не пугают стандартные фразы, которые могут последовать за этим заявлением. И, со своей стороны, не собираюсь повторять их, да и не в них суть. Правда, вы можете задать себе законный вопрос: «Какое, собственно, дело русскому парню, идущему в Москве по улице Горького, до того, что говорит архиепископ Кентерберийский?»

Вопрос, конечно, правильный, и лучше, что я могу сказать в ответ, — это, что, если вы идете по улице Горького, вы действительно vstupаете на ту моральную стезю, которая ведет от добрых старых стен Кремля до архиепископского дворца в Кентербери.

Неверующий коммунист предлагает план, а христианский священник принимает его. Это, бесспорно, уже означает моральную победу идеи, так что теперь мы можем подумать о следующем этапе — о том, как применить этот план.

Как добиться разоружения во всем мире? Возможно, что еще никто точно не знает, как мы придем к этому, во всяком случае, не представляет себе этого детально. Однако главное уже ясно. Здесь, как и в завоевании Вселенной, мы определенно продвинулись дальше, чем могли мечтать.

Лозунг «Долой атомную бомбу!» выражает теперь общее настроение англичан. Может быть, этим объясняется и то, что у архиепископа хватало гражданского мужества на поддержку Хрущева. В этом он следует за своей пастой.

Поэтому самое главное сейчас — как-то пустить в ход идею всеобщего разоружения, не дать разговором о невозможности этого дела помешать ему еще до того, как оно начнется. Ведь раздаются голоса сомневающих...

Например: неужели капиталисты когда-нибудь смогут отказаться от той самой силы, которая позволяет им удерживать свою власть в мире? Неужели Запад когда-нибудь решится доверить Востоку и наоборот? Неужели генералы откажутся от своих армий, а фабриканты от своих прибылей и так далее, и что, может быть, важнее всего, как отразится разоружение на народах, которые все еще борются за свое освобождение с оружием в руках?

Да, эти сомнения существуют. Но обратимся к собственному опыту. Если бы мысль о невозможности, если бы очевидные препятствия остановили нас при обращении к народам за поддержкой в борьбе против атомной войны, когда мы заседали в Стокгольме в 1950 году, мы никогда не сыграли бы той роли, которая помогла достичь теперешнего положения дел, когда архиепископ говорит о предложении Хрущева: «Наконечник этой палки — то, о чем все христиане молились в течение многих лет».

Поскольку я мысля о мире в понятиях классовых борющихся, сам я никак не могу поверить, что капиталисты и генералы настолько простодушны, что сами благородно отдадут нам все, что мы просим. Они никогда не поступали благородно, они просто не способны на это. В течение многих столетий правящие классы ни разу не предлагали отказаться хотя бы от части своей власти. Но очень часто сила народного возмущения вынуждала и правящих классов уступки и компромиссы и порой даже обрекала их на полное поражение.

Я не утверждаю, что все капиталисты хотят войны. Возможно даже, что большинство из них войны не хочет. Я не утверждаю, что на Западе возмущенный народ восстанет с целью вырвать оружие из рук генералов и заводы из рук военных промышленников.

Но мы видим уже возмущение другого рода: простой человеческий протест, не знающий классовых и национальных барьеров, против бессмысленности войны — не той войны, какую знали мы в прошлом, но той войны, которая может разразиться в будущем, войны, страшной по своим катастрофическим последствиям.

Что же хочет от жизни всемирноазиатский юноша? Может быть, он и сам не знает как следует. Но одно он знает: что он не хочет, конечно, не хочет войны. Каждая мать знает, что она не хочет войны. Поэт, священник, рабочий и бизнесмен, думая о своих семьях, знают, что они не хотят войны. В самом деле, если посмотреть на вещи с этой стороны, то все наше общество обретает своего рода диалектическое душевное спокойствие и силу в сознании того, что никто

не хочет войны. Может быть, именно эту силу пробудил в нас Хрущев, сказав, что сейчас полное разоружение стало возможным.

СССР всегда хотел всеобщего разоружения. Можно сказать, что тот моральный вывод, к которому пришел глубочайший христианский интеллект Запада в итоге мучительных и долгих душевных исканий, для любого советского юноша пятнадцатилетнего является самой здоровой и очевидной жизненной потребностью. Может быть, эта моральная сторона существовала всегда. Но для того, чтобы весь мир убедился в этом, потребовалось совершить именно то, что совершил Хрущев. Он напомнил всему миру, что существуют правительство, философия и народ, готовые пойти на риск, чтобы навсегда покончить с вооружениями.

И едва только Н. С. Хрущев выдвинул эту идею, как немедленно разгорелась борьба за принятие ее в качестве действительной и осуществимой программы. Циники уже стараются во всем, чтобы разнести эту идею в щепы, пока она не успела по-настоящему овладеть умами. И вот архиепископ присоединяется ко всем нам, к тем, кто говорит: «Не позволяйте им погубить это предложение. Давайте на этот раз держаться за него, чего бы это ни стоило. Давайте посмотрим, что может из него выйти. Давайте постараемся — даже если эта идея и кажется фантастической!» Постараемся сделать так, чтобы эта надежда оставалась живой. Человечество могло бы жить без войн и вооружений, — вот первая реальная мысль, связанная с этой идеей, органически вытекающая из нее. Разумеется, за нее надо будет упорно бороться, отбрасывая каждый шаг вперед, вооружившись надеждой против цинизма, отвагой и предприимчивостью — против неудач.

Но давайте вообразим, что существование человечества без вооружений реально, так как это означало бы существование без конфликтов; отсюда они делают вывод, что сами классовые конфликты исключают возможность покончить с конфликтами, даже в пределах одного государства.

Что касается меня, то я не согласен с этим выводом. Я верю, что рано или поздно во всем мире гегемоном станет класс трудящихся, ибо никакой другой класс не заслуживает этого и не имеет на это права. Я не думаю также, что эта победа будет преподнесена трудящимся капиталистами в качестве новогоднего подарка. За нее надо будет бороться, ее надо будет завоевывать.

В мире так или иначе наступят перемены и, может быть, скорее, чем мы думаем. Историческая неизбежность преобразования общества все же не исчезнет в мире, где вооруженные столкновения будут объявлены вне закона. И вовсе не следует представлять себе этот мир как нечто, где не будет социальных конфликтов. В нем будут происходить конфликты — социальные, политические и, может быть, даже международные. Но в мире, не располагающем или почти не располагающем возможностью, немедленной возможностью призвать на помощь армию и бомбы для разрешения международных споров, — не может быть войны.

Очень существенно, что этот призыв к всеобщему и полному разоружению идет из страны Октябрьской революции. Именно в этом заключен источник нового подъема надежд, веры в то, что моральная сила, может быть, снова будет играть важную роль в жизни человечества. Снова оживают давние надежды, давние мечты. Пусть это пока мечты, но ведь когда-то и существование в мире социалистического государства было только мечтой. Сама идея такого государства казалась когда-то безнадежной, и все же многие люди посвящали ей жизнь, зная, что в конце концов будут найдены успешные методы осуществления социалистических идеалов, что высокая цель подкажет правильный путь.

И то же самое произошло с той глубокой идеей, которую выдвинул перед нами Н. С. Хрущев.

Она может воплотиться в жизнь только в том случае, если ей не дадут погнать. Мечта осуществима, если мы не дадим никому отнять ее у нас, не дадим никому и никогда.

Лондон

В горах и джунглях Лаоса гремят выстрелы. Маленькая страна охвачена огнем гражданской войны. Войска Фунг Сананиконе, напавшие на Женьевское соглашение, ведут наступление на демократические силы страны, борющиеся за свободу и независимость.

КТО МУТИТ ВОДУ В ЛАОСЕ?

И, как всегда, международная реакция пытается свалить вину за военные действия с большой головы на здоровую. Не будучи в силах разгромить лаотских патриотов, реакционная клика Лаоса подняла шум о «вмешательстве Китая», о «присах крастного Китая». Дело не ограничивается распространением небиллионных державы протации в ООН решение о создании «подкомитета ООН по расследованию положения в Лаосе».

Что же обнаружили члены подкомитета, побывавшие в Лаосе 27 дней?

Ответ на этот вопрос можно найти в корреспонденции Рене Ноорбергена, опубликованной в западногерманском журнале «Мюнхнер иллюстрирте». Он подтверждает, что иностранное вмешательство в дела Лаоса существует, но... вмешательство совершенно иного рода.

«Тайные инструкторы. Лишь с очень большим трудом нашему корреспонденту удалось сделать этот снимок, в котором запечатлена группа американских инструкторов, — пишет Ноорберген. — Этих людей, официально именуемых «техническими экспертами», скрывают от внешнего мира так, словно они — секретное оружие. Они обучают лаотскую армию современным методам ведения войны».

Нужно ли более яркое доказательство того, что не кто иной, как военные власти США заинтересованы в продолжении войны в Лаосе?

Д. Б.

Американские военные инструкторы в Лаосе. Снимок из западногерманского журнала «Мюнхнер иллюстрирте»

Кто это: любители турецкого кофе или куряльщики опиума? Ни то, ни другое. Как яствует из подписки к снимку, опубликованному в журнале «Ньюсвик», это члены группы ООН, занятые расследованием фактов в Лаосе. Речь идет о созданной в результате махинаций западных держав в Совете Безопасности группе, которая должна была найти несуществующие факты вмешательства Северного Вьетнама и Китая в гражданскую войну в Лаосе.

Иные при отсутствии фактов высасывают их из пальца. Как видно из снимка, члены «расследовательской группы» занимаются другим: они сосут вино из бочки, пользуясь бамбуковыми трубочками.

Голос мятежной совести

ПОЛКОВНИК Петерсхаген... Никогда не забудется та далекая ночь, которую мы, два советских офицера, провели в доме Петерсхагена, дома команданта немецкого гарнизона города Грейфсвальда.

Это была ночь с 29 на 30 апреля 1945 года.

В расположение наших войск на машине под белым флагом прибыли парламентарии — представители военных властей и общегородские органы. — Сопротивление бесполезно, жертвы бессмысленны. Город решил сдаться без боя, — сказали они.

Мы и тогда чувствовали, как трудно было принять это решение в среде безнадёжно отравленных гитлеровской идеологией офицеров вермахта. Но только теперь, полковник Петерсхаген, мы сумели воочию представить себе, что значило для вас, кадрового офицера, кавалера ордена «Гриффарский крест», принять решение о капитуляции. И не только принять самому, а заставить других, присоединиться к этому решению. Перед вами был приказ Гитлера о лишении чести и жизни тех, кто уклонится от сражения за каждый населенный пункт. Местные нацистские главарь угрожали вам расправой, вас пытались соблазнить генеральскими погонами, вам гарантировали убежище на Западе, — только не сдавайтесь Советской Армии!

Но принятое вами решение выражало мнение всего немецкого народа. Глубокой апрельской ночью подполковник И. В. Пономарев и я передали от имени советского командования 10-тысячному гарнизону Грейфсвальда условия капитуляции. Оставшиеся до рассвета часы мы провели в вашем, полковник Петерсхаген, доме, за искренней солдатской беседой, где слово «мир» повторялось чаще других.

В шесть часов утра в город вступили наши передовые механизированные части, а через пять часов в городской ратуше был подписан акт о безоговорочной капитуляции гарнизона.

Принятые вами меры не позволили эсэсовцам уничтожить пятисотлетний университет, исторические памятники, а главное — людей, тех людей, что ныне строят новую жизнь Германии.

Так, без единой капли крови, без единого поврежденного камня вышел из войны ваш город.

...В тот же день мы ушли дальше и...

Р. Петерсхаген, «Мятежная совесть», Военное издательство Министерства обороны СССР, 1959. 277 стр. Перевод с немецкого.

И. ЛЕВИН, капитан запаса

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ. Редакционная коллегия: Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИН, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, В. А. СОЛЮХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

Сирень из Америки

ГАЗЕТЫ уже сообщали, что в Москву «по приглашению Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами при Совете Министров СССР прибыл видный представитель американских деловых кругов Роберт У. Даулинг».

«Самолет из Лондона приземлился во Внукове, когда уже стемнело. На этом самолете мистер Даулинг в четвертый раз прибыл в нашу страну».

«Я рад приехать в Москву, — заявил он, сойдя с трапа. — Как видите, я готов к русским морозам, хотя сегодня совсем тепло».

При этом мистер Даулинг показывает шапку из серого русского каракуля, которую он недавно купил в Канаде «специально для России».

«А что же это за странный груз он так бережно выносит из самолета?»

«В этих свертках и ящиках — сирень, семь живых кустов американской сирени. Почему именно семь? Потому что больше всего в жизни я люблю театр, литературу, музыку, архитектуру, живопись, скульптуру. Каждому из этих видов искусства посвящен свой куст сирени. А седьмой — это символ дружбы американского народа с советским народом. В знак глубокого уважения к нему я привез сирень из Нью-Йорка и посажу ее во дворе Дома дружбы с народами зарубежных стран в Москве».

Мистеру Даулингу пришлось долго убеждать аниматоров, прежде чем кусты в пассажирском самолете долетели до Москвы. В пятницу утром американский бизнесмен высадил их во дворе Дома дружбы на улице Калининской.

И хотя эта сирень доставила немало забот мистеру Даулингу, он с охотой уделит время в первые же часы после приезда разговору с представителями «Литературной газеты».

«Наверное, вас прежде всего интересует, как американская общественность относится к итогам визита мистера Хрущева? — начал он. — Это, как я понимаю, «вопрос № 1». Так вот, поощрение нашей страны премьером Хрущевым создало в США очень благоприятную обстановку для улучшения наших отношений с Советским Союзом. Эта поездка, имевшая огромный успех, сама по себе заложила основу новых успехов в развитии добрососедских отношений между нашими великими народами. Сейчас следует настоятельно продвигать в решении проблемы разоружения. США и Советский Союз должны идти вместе, выступая сообща за мир и дружбу народов, против общего врага людей — болезней и нищеты».

Американская общественность считает очень важным совместные действия наших народов. Совсем недавно президент Эйзенхауэр, выступая в Канзасе, говорил о средствах, которые могут быть получены от разоружения. Эти средства, по мнению президента, должны быть использованы для оказания помощи нуждающимся в ней странам и народам. Американская общественность внимательно следит за подготовкой ви-

Р. Даулинг (слева), заместитель председателя Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами П. С. Яковлев и председатель президиума Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами Н. В. Попова во дворе Дома дружбы. Фото И. Андреева

Н. МАР

Время с большой буквы

(Окончание. Начало на 2-й стр.)

ность и парность, отличающую право от левого, разбивающую симметрию? Не в такой ли механике стремилась в все острее, плыве математические умы последнего столетия, начиная с Лобачевского? И где найдет она ту неопределенность, которая может лечь в ее основу?

Козьрев гадит на звезды. Он проник в их внутреннее строение, он увидел в них «машину», вырабатывающую энергию», он вывел их, путем тончайших индуктивных уравниваний-доказательств, из-под власти термоядерной атомистики, которая, как и вся физика до нее, тоже подчиняется второму закону термодинамики, тоже бессильна перед энтропией. Но как найти секрет их свечения, их излияния энергии, секрет тех процессов, которые вырабатывают эту энергию? Звезды светят, они светят миллиарды лет, излучая все ту же энергию, как если б приводились в действие вечным двигателем... Но звезды и двигаются. Они вращаются. И во вращении их есть момент, уже подсмотренный Козьревым в асимметричной конфигурации планет, момент соотношения между вращением и тяжестью, нарушающий Ньютонову механику. Предложим зафиксированную систему, в которой движутся частицы по почти замкнутой траектории. Может ли путь, проходимый частицами в пространстве, сам по себе порождать энергию? Поскольку все точки звездного пространства обладают одинаковыми

свойствами, различные путей, проходящих по этим точкам, ничего породить не может. Но путь (вращение в данном случае) проходит не только по точкам пространства. Он проходит и во времени, по каким-то единым времени. Имеют ли эти «точка» времени те же одинаковые свойства, что и точки пространства, — симметричны ли они, парны ли они, равны ли себе самим? Нет, не одинаковы, не симметричны, не парны, не равны самим себе, — время, необратимый ход его, — движется только вперед, из прошлого в будущее, из вчера в завтра, от причины к следствию, и его прошлый час не равен будущему часу. Время — неотделимый от бытия, вечное «движение», измеряемое другие явлениями», как сказал о нем наш Лобачевский, — не симметрично! Может ли оно само по себе, может ли только один ход его, так диалектически-противоречиво взаимодействующий с пространством, быть вечным источником порождения энергии, убивающий энтропию и опровергающий второй закон термодинамики? Да, отвечает Козьрев.

Мысль, на первый взгляд, кажущаяся дико-фантастической. Но разберемся, что же такое время, этот бог древности, у греков — пожиратель своих детей, у римлян — двуклиный Янус, обративший лицо сразу в противоположные стороны, вперед и назад. Величайшие философы всех эпох задумывались над

его природой. «Что такое время и какова природа его — нам неизвестно», — сказал Аристотель. Возмущаясь учением Канта об иллюзорности пространства и времени, Гёте негодуя воскликнул: «Время само есть элемент!». И несмотря на то, что в любой науке, как и в самой жизни, шаг нельзя ступить без учета времени, не говоря уже о невозможности выхода из него, наука странным образом никогда не пыталась изучить закономерности его материального течения, как такового. «Что собой представляет время, до сих пор еще неизвестно. В физике по этому вопросу существуют смутные соображения, тогда как в силу важности вопроса следовало бы иметь написанными о времени целые томы», — пишет Н. А. Козьрев в своей книге, представляющей первые теоретические выводы огромного, пройденного им, последовательного пути.

В этой книге, называемой «Причинная или несимметричная механика в линейном приближении», ** советский ученый закладывает основы новой, причинно-следственной механики, учитывающей найденную им математическую величину, «ход времени», и дающей возможность объяснить целый ряд явлений, в классической механике не объяснимых. Множество опытов с волчками

* Гёте. «Изречения в прозе». ** Пудлов. 1958. Тираж 200 экз. Заглавие № 721. Цитата выше — со стр. 11.

предшествовало математическим формулировкам этой замечательной книги; долго, терпеливое изучение асимметричной планеты; наконец, попытки поймать с помощью остроумных механических аппаратов слабые следы (слабые ввиду малых расстояний и малого времени) деформаций и нашей планеты Земли на ее Северном полюсе, путем экспедиции в Арктику. Во всех этих опытах, с помощью специальных, чтоб рассказать о них в доступной читателю форме, заложено начало долгого пути, каким предстоит идти и развиваться новой гипотезе советского ученого. Радостно сознавать, что в нашей стране ему дадут все возможности спокойно думать дальше и терпеливо ставить необходимые опыты, понимая их трудность, необычность самой теории и колоссальное значение для науки уже одной постановки вопроса о природе времени, уже одного внесения его в порядок дня передовой советской науки.

По-разному можно расценивать теорию «хода времени» Н. А. Козьрева. Если сомневаются в ней, другие (и я в их числе) верят в нее абсолютно. Послушаем и третий голос. Он принадлежит талантливому советскому физики Никите Толстому: «Я не читал книги Козьрева и просто не знаю его теории», — говорит Н. Толстой. — Но все предыдущие работы Козьрева сделаны так безукоризненно и без единой ошибки, с такой точностью, что, как ученый, Козьрев заслужил безусловное право, чтоб к его новой теории отнеслись с серьезным уважением и вниманием».

ЛЕНИНГРАД—ПУЛКОВО